
Рома Митла
Взаперти или
Подвох

Рома Митла

Взаперти или Подвох

«Автор»
2026

Митла Р.

Взаперти или Подвох / Р. Митла — «Автор», 2026

Кира думала, что поступает честно. Она освободила мужа от нелюбящей жены. Но почему тогда, спустя два года, она просыпается от собственного крика? Почему его спокойствие в день развода кажется ей самой страшной местью? Она ищет подвох в его молчании, но находит дыру в самой реальности. Рассказ о том, что иногда самый большой ужас — это не узнать, что тебе изменили, а узнать, что ты мог сам быть лишним человеком в чужой жизни.

© Митла Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Взаперти или Подвох

Глава 1

Она стояла у окна, будто приклеившись к этому месту босыми ступнями к остывающему ламинату. Пальцы мёртвой хваткой вцепились в подоконник из искусственного камня — холодный, гладкий, он неприятно лип к влажной от волнения коже. Смотрела на подъездную дорожку, высматривая его машину сквозь двойное стекло, по которому от кухонной плиты поднималось едва заметное марево.

За окном октябрь методично доедал остатки дня. Низкое, плоское солнце цеплялось за голые ветки старого тополя, окрашивая их в цвет дешевой позолоты. Ветер срывал с него последние, похожие на ржавые монеты листья и гнал их по мокрому асфальту, прибивая к решетке ливневки. Там, на улице, была жизнь: сквозняк, запах прелой листвы и остывающего бетона, шум далекой трассы. А в доме было тихо, слишком тихо. Эта тишина не была пустой — она была плотной, осязаемой, набитой до краев невысказанным. Она пахла остывающим ужином. Из духовки тянуло подгоревшим сыром и базиликом — она приготовила его лазанью, по привычке, на автомате, пока внутри всё выгорало дотла. Тишина знала, что сейчас произойдёт, и затаила дыхание, словно боясь спугнуть хрупкий, готовый разбиться мир.

Она ждала мужа, который должен был приехать с работы. И в эту минуту ей казалось, что она ждёт не человека, а приговор — собственный, уже подписанный, но еще не зачитанный вслух.

Она разлюбила его. Не в один день, не от обиды, не из-за громкой, унизительной ссоры с битьем тарелок. Это случилось как-то незаметно, словно кто-то тихо, без щелчка, выкрутил реостат в её груди, и свет внутри не погас, а медленно, мучительно истаял, оставив после себя только серый полумрак. Сначала она пугалась этого чувства, пыталась его вернуть: вспоминала хорошие дни, перебирала их в голове, как старые фотографии в пыльном альбоме, заставляла себя быть ласковой, искать в его жестах прежнего, того, в кого когда-то влюбилась на набережной под проливным дождем. Но чем старательнее она тянулась к угасающему огню, тем яснее понимала: там больше нечего разжигать. Остался только пепел.

Когда его темно-синий "Туарег" — массивный, надежный, купленный в кредит три года назад — наконец свернул к дому, она отступила от окна в спасительную тень занавески. Чтобы он не увидел её сразу, чтобы у неё было ещё несколько секунд.

Замок щелкнул беззвучно, сработав доводчик. Он вошел спокойно, как всегда. Поставил портфель из дорогой, мягкой кожи на пуфик в прихожей — звук получился глухой, увесистый. Звякнули ключи. Снял куртку, повесил её на плечики, расправив воротник, чтобы не помялся. От него пахнуло холодом, озоном и едва уловимым, чужим цветочным парфюмом — наверное, кто-то в лифте облился.

— Ты как? — спросил он буднично, разминая шею.

В этом "ты как" не было ни тревоги, ни напряжения — просто привычка заботиться, отработанный до блеска ежедневный ритуал. А она вдруг почувствовала, как эта привычка давит сильнее любой пощечины. Как смирительная рубашка.

— Нам надо поговорить, — сказала она, и голос прозвучал ровно, почти отстраненно, удивив её саму.

Он замер на секунду, не сняв с одной руки кожаную перчатку. Пальцы, сжимавшие ткань, побелели. Будто услышал не слова, а какой-то чужой, незнакомый звук, сбой в матрице. Кивнул:

— Хорошо.

Она выговорила всё быстро, боясь, что если начнёт подбирать слова, то вообще ничего не скажет, подавится ими: что она больше его не любит, что не понимает, когда и как это случилось, но знает точно — дальше так жить нельзя.

— Я не хочу делать вид, что всё хорошо, когда внутри пусто, — добавила она тихо, глядя на узел его дорогого, идеально завязанного галстука.

Он слушал, не перебивая. Не спорил, не пытался её переубедить, даже не спросил "почему". Просто стоял и смотрел на неё так, будто пытался запомнить её такой — в этот момент, в этой комнате, с этими словами. Запечатлеть на сетчатке её домашнюю футболку с растянутым воротом, выбившуюся прядь волос, то, как она обнимает себя руками за плечи, пытаясь согреться. И от этого спокойствия, от этого почти медицинского, архивного интереса ей стало ещё страшнее: она ждала возражений, крика, упрёков, хоть какой-то реакции, которая оправдала бы её решение, сняла бы с неё часть вины. А вместо этого получила тишину и его внимательный, изучающий взгляд.

Потом она сказала то, что сама от себя не ожидала. Слова вылетели сами, резко, почти грубо, царапая горло:

— Я хочу оставить квартиру.

Она тут же внутренне сжалась, ожидая удара: ведь по справедливости, по документам, по всем законам логики это была его квартира, купленная задолго до неё. Но в тот момент ей показалось, что без этого пространства, без этих стен, без своей территории, она просто рассыплется в пыль, как высохшая глина. Она смотрела на него, ожидая, что сейчас он наконец возмутится, скажет: "А как же я? Мы же строили это вместе".

Но он только чуть наклонил голову, будто взвешивая её слова на невидимых аптекарских весах, и спокойно ответил:

— Ладно.

Она растерялась. Опешила от того, как легко он сдал главный редут.

— Ты даже не будешь спорить? — спросила она почти шёпотом, чувствуя, как от несправедливости и его равнодушия начинает звенеть в ушах.

Он пожал плечами. Движение было легким, почти небрежным, но в нем чувствовалась огромная, пугающая усталость:

— Если тебе так нужно, пусть будет так.

Он сам начал собирать вещи. Без суеты, методично, будто делал это уже тысячу раз в прошлых жизнях. Достал из шкафа два строгих костюма на плечиках, аккуратно упаковал их в чехол. Сложил в спортивную дорожную сумку бритвенные принадлежности, стопку футболок, зарядные устройства, смотанные в идеальные кольца. Она хотела помочь, хотела сказать что-то важное, что-то, что вернуло бы им обоим человеческое лицо, но слова застревали в горле, превращаясь в сухой ком.

В какой-то момент она пробормотала, глядя в пол, чтобы не видеть, как он забирает их общую, счастливую жизнь по частям:

— Я пришлю к тебе своего адвоката, мы всё оформим по закону.

Он кивнул, не поднимая головы от сумки:

— Хорошо.

И ей стало стыдно за эту холодную, деловую фразу — она звучала так, будто они заключали сделку по продаже подержанного автомобиля, а не рушили совместную жизнь. Будто обсуждали раздел акций.

Наконец он вышел из дома. Молния на сумке закрылась с сухим, окончательным треском. Он стоял в прихожей, держа сумку в одной руке, а в другой — ключи от машины. Брелок-пудель, который она подарила ему на первую годовщину, тихо звякнул. Она снова подошла к окну, сама не понимая, зачем смотрит, что хочет увидеть. Может, надеялась, что он сядет и просто будет сидеть в машине час, как всегда делал, когда о чем-то напряженно думал.

Он сел в "Туарег", завел двигатель. Урчание мотора на холостых оборотах донеслось даже через стеклопакет. Включилась магнитола — тихо, на грани слышимости, заиграл старый джаз. И вдруг он снова вышел. Остановился у дверцы, посмотрел наверх, прямо на её окно, будто

знал, что она там стоит. Достал ключи, подержал их на ладони, а потом положил на холодный, влажный капот. И, не поднимая головы, не поправляя съехавший с плеча ремень сумки, пошёл прочь.

Она застыла, не веря своим глазам. Он даже не оглянулся. Только достал телефон, вызвал такси — она видела, как на экране его смартфона вспыхнул белый значок, — сел в подъехавшую через пару минут желтую машину — и уехал.

А она всё стояла у окна и смотрела, как его силуэт растворяется вдали, сливаясь с сумерками, и пыталась понять: что это было? Прощение? Обида, настолько глубокая, что на крики уже не осталось сил? Или просто его способ сказать: "Я не буду бороться за то, чего уже нет"? И самое страшное — она не знала, какое из этих объяснений пугает её больше.

Внизу, н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.